

DOI: 10.18721/JHSS.10409

УДК: 323.2

СЕТЕВЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

И.А. Бронников

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

В статье показано, что сетевая организация акторов многократно увеличивает шансы донести консолидированную позицию до людей, принимающих политические решения и коллективно влиять на органы власти. Произшедшая в последние годы институционализация сетевого активизма позволила осуществить имплементацию сетевых гражданских практик в политический процесс, переведя их на новый уровень влияния, благодаря выстраиванию многочисленных инклюзивных горизонтальных связей. Между тем анализируемые политические практики, как правило, являются хаотическими и эмоциональными, препятствуя полноценному общественному участию граждан. Судя по имеющимся данным, тенденция формирования общественной значимости принимаемых политических решений способствовала постепенному внедрению сетевых гражданских инициатив в ценностное поле политики. Автором делается вывод о том, что сетевые гражданские инициативы являются активизирующим фактором населения, приобретают публичную ценность и быстро переходят в категорию политического. Сетевые гражданские инициативы формируют важные векторы развития гражданского общества в России, которые трансформируют сложные формы общественного развития посредством включения постматериальных публичных ценностей.

Ключевые слова: гражданский активизм, гражданское участие, публичные ценности, глобальные общественные блага, социальные медиа

Ссылка при цитировании: Бронников И.А. Сетевые гражданские инициативы как фактор трансформации публичных ценностей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 94–102. DOI: 10.18721/JHSS.10409

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

NETWORK CIVIL INITIATIVES AS A FACTOR OF PUBLIC VALUE TRANSFORMATION

I.A. Bronnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

The article shows that the network organization of actors greatly increases the chances of conveying a consolidated position to people who make political decisions and collectively influence the authorities. The institutionalization of network activism that has taken place in recent years has made it possible to implement the network of civic practices into the political process, moving them to a new level of influence, thanks to building numerous inclusive horizontal connections. However, such practices are often unsystematic and episodic, preventing the increase of the general civic participation of citizens. It is proved that the tendency of formation of social significance of political decisions made contributed to the introduction of network civic initiatives in the value field of politics. It is concluded that network civic initiatives are an activating factor in the population, gain public value and quickly move into the political category. Network civic initiatives form important vectors of development of civil society in Russia, which transform complex forms of social development through the inclusion of post-material public values.

Keywords: civil activism, civil participation, public values, global public goods, social media

Citation: I.A. Bronnikov, Network civil initiatives as a factor of public value transformation, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 94–102. DOI: 10.18721/JHSS.10409

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

Технологическая лавина последних лет оказывает все большее влияние на политические устои, политические практики, государственное управление и общественно-политическую деятельность в целом. Соглашаясь с К. Ясперсом отметим, что технологии не создают идеальный мир, но на каждом шагу создают новые трудности для человечества, а, следовательно, и новые глобальные проблемы и вызовы [1, с. 60]. Возникает справедливый вопрос: могут ли правительства решить эти задачи без привлечения гражданских специалистов и экспертов?

Постинформационное общество принесло как небывалые инновационные перспективы, так и нежданные глобальные проблемы, справится с которыми не под силу даже самым могущественным акторам. В свое время Р. Дейберет, Ж.-М. Коттрэ, К. Леви-Стросс, М. Кастельс, Н. Луман, М. Маклюэн, Г. Стоуньер, Ю. Хабермас, Р. Эпштейн и др. высказывали мысль о том, что коммуникационные потоки приобретают основополагающее значение в обществе, пронизанном неиерархическими информационными течениями горизонтальных направленностей. Некоторые авторы (Г. Саймон, Т. Болл, С. Льюке) акцентируют внимание на коммуникационном аспекте властных отношений, указывая на необходимость общего языка управляющих и управляемых, посредством которого можно отдавать приказы и приходиться к компромиссным решениям.

Сегодня информационное поле взаимодействий и коммуникационное «горячее» (по М. Маклюэну) изобилие политических коммуникаций ключевых акторов приобретают невообразимые масштабы влияния [2], что приводит к конструированию качественно новых децентрализованных коммуникационных структур и практик, обладающих адаптивной способностью к самоорганизации и, что имеет немало важное значение для гражданского активизма, к самореализации. Прежде меткое маклюэновское выражение «The medium is the message» в реалиях постинформационного общества приобретает иной смысл – средство коммуникации является конструктором медийной среды, контента. В этой связи, само понятие «global village» наполняется новыми смыслами, где граждане не просто находятся в непрерывной сетевой коммуникации друг с другом, а могут формировать и оказывать действенное влияние на ценностное поле публичной политики. Поэтому особую важность приобретают системообразующие компоненты:

общественное участие, публичный диалог, со-управление, со-ответственность.

Как можно видеть, зачастую, люди действуют и принимают решения опираясь на ценностно понятные мотивы и интересы. Важным становится роль публичных ценностей и наличие открытых каналов и площадок для вовлечения граждан в политический процесс современной России. Более того, в повседневной жизни индивид смотрит на происходящую действительность через свою систему убеждений и ценностей. При этом именно ценности повышают субъективность оценок тех или иных событий, явлений, процессов, они детерминируют отношение граждан к политическим объектам и определяют предъявляемые к ним ожидания [3, с. 31-32]. Как видится, трансформация публичных ценностей постинформационного общества будет способствовать выработке «зон контактов» между государством и акторами гражданского общества на новой сетевой основе.

Современное состояние проблемы

Существующие практики гражданского активизма не способны комплексно удовлетворить возрастающие запросы и требования граждан постинформационного общества, вкусивших все преимущества сетевых коммуникаций как на межличностном, так и на глобальном уровнях. В работах последних лет [4-19], посвященных исследованию публичного диалога между государством и институтами гражданского общества, отмечается тесная связь между сетевой кооперацией граждан и уровнем общественного участия, отражающим включенность в процесс выработки политико-управленческих решений. Сетевая организация акторов многократно увеличивает шансы донести консолидированную позицию до людей, принимающих политические решения и коллективно влиять на органы власти. Произшедшая в последние годы институционализация сетевого активизма позволила осуществить имплементацию сетевых гражданских практик в политический процесс, переведя их на новый уровень влияния, благодаря выстраиванию многочисленных инклюзивных горизонтальных связей.

Сетевая методология все чаще применяется в современных исследованиях, посвященных публичной политике и выстраиванию диалога между политическими акторами. Однако «ключевой проблемной точкой теории политических сетей является её невысокая объяснительная способность, заключающаяся в сложности выявления

казуальных зависимостей между сетевыми интеракциями и их влиянием на реальную политику» [20, с. 102]. Более того, усиливающиеся авторитарные тенденции и повышение роли вертикальных связей в государственном управлении [21] подталкивают граждан к выстраиванию сетей кооперации по насущным проблемам между собой, что способствует увеличению коммуникационной пропасти между государством и обществом, в перспективе, приводящей к политической «глухоте» с обеих сторон.

Публичные ценности и глобальные общественные блага

В начале XXI в. на почве нарастания критических суждений в адрес теорий гражданского участия начался поиск альтернативных концепций. Важным направлением подобного поиска стало переосмысление основных положений теории политических ценностей (Р. Инглхарт, К. Вельцель, М. Рокич, Ш. Шварц, С. Фельдман), формулирование концепции глобальных общественных благ [22-23], а также принципов public value management (менеджмент публичных ценностей).

Обращение к концептам публичных ценностей и общественных благ¹ связано с переосмыслением политико-управленческих процессов в сторону политической инклюзивности и формирования общественной значимости принимаемых решений. К. Талбот даже высказал мысль о появлении новой «великой идеи» в публичном управлении, другие авторы (Л.В. Сморгун, А.В. Волкова) рассуждают об «аксиологическом повороте» в государственном управлении [24, с. 313].

Для российского общества процесс эволюции публичных ценностей имеет противоречивую природу. Разнонаправленность публичных ценностей российских граждан доказывает актуальность тезиса Н.А. Бердяева об антиномичности русского национального сознания. По данным социологов большинство наших сограждан (62%) убеждены, что «России нужна демократия»². Однако представления о демократии крайне неоднородны. Для одних демократия — это «общественное устройство, при котором власть заботится

о нуждах людей» (34%), а для других — это «общественное устройство, при котором граждане могут свободно высказывать свою точку зрения о политике (31%)» [25, с. 87]. Из этого следует, что для одних патернализм, как стремление государства опекать общество, вмешиваться в частную жизнь граждан, оказывается обыденным, а для других инвариантными элементами современного политического процесса являются: *подотчетность власти, соревновательность политических курсов и инклюзивное участие*.

В сознании россиян преобладают ценности, ориентирующие на успех личной, приватной жизни. К примеру, финансовое благополучие (54%) и семья, дети (57%). Критерии успешности, связанные с миром публичных ценностей и общественных благ, не актуальны. Только 19% респондентов смотрят на успешность через призму того, приносит ли человек пользу окружающим, 12% — заслуживает ли он признание и уважение с их стороны. Публичные ценности, связанные с политическими свободами, артикуляцией своих интересов, гражданским активизмом находятся в арьергарде и не воспринимаются как жизненно значимые [25, с. 88-89].

В этой связи не выглядит странным, что приоритеты глобальных целей для России в глазах наших сограждан заключаются, прежде всего, в становлении одной из 10-15 наиболее преуспевающих стран мира (45%), а также возвращении себе статуса супердержавы (34%). Причем если ранее «членство в клубе» ведущих стран могло быть обеспечено за счет развитой экономики (в 2014 г. об этом говорили 52%) и сильной армии (42%), то сегодня значимость этих факторов существенно снизилась (до 33% и 19%, соответственно), тогда как на первый план вышел показатель высокого уровня благосостояния граждан (43% в 2019 г. и 25% в 2014 г.) [26]. Однако, существенно и то, что новые методы проявления гражданского активизма на сетевой основе обуславливают медленную и поэтапную адаптацию традиционной системы ценностей в политике.

Что касается идеи общественного блага, то достаточно активно она развивалась параллельно с понятием республики как общего дела. Можно сказать, что квинтэссенцией идеи республики является феномен самоподдерживающихся объединений свободных граждан с широкими полномочиями политического участия. Подразумевается, что граждане принимают участие в политике не только во время электоральных циклов, а повседневно, осознавая проблемы и сложности своей «большой» и «малой» республики, т.к. участие в политическом процессе — это совместная работа. Отсюда вытекает принципиальная идея о том, что

¹ Общественные блага обладают тремя важнейшими характеристиками: неисключительностью в предоставлении (отсутствие конкуренции), неконкурентностью в потреблении и распределении самих благ поровну.

² Показательно, что согласно очередному докладу Edelman Trust Baromet, 2019 («Барометр доверия»), общий уровень доверия к институтам власти в мире в 2019 г. составляет 52%, в России — 29%. Кроме всего прочего, в 2019 г. минимальный уровень поддержки получили не только институты власти и СМИ, но также неправительственные организации и корпоративный бизнес.

люди должны обладать определенным уровнем самосознания и самоорганизации, чтобы требовать общественные блага от действующей власти. Эти требования увеличиваются по мере развития городов, технологических открытий, глобализации, повышения уровня образования, самовосприятия. Большое влияние на восприятие общественных благ оказали социалистические и коммунистические идеи. Интересно отметить, что в ст. 131 Конституции СССР 1936 г. декларировалось, что каждый гражданин обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся³. В какой-то мере это послужило основой формирования кейнсианской модели экономики, шведской социал-демократической модели, концепции «государства всеобщего благосостояния», в которых так или иначе заложены основные принципы производства общественных благ.

Безудержное развитие цивилизации в начале XXI в. дало новый импульс развитию концепции общественных благ, теперь, во многом, они становятся глобальными. Сейчас блага, которые ассоциировались с конкретной личностью (право на жизнь, свободу слова, защиту, кров и пр.) являются глобальными и рассматриваются под призмой общемирового социально-политического прогресса. Глобальные общественные блага – это блага, выгоды (издержки) от создания которых распространяются поверх государственных, географических и культурных границ. Как правило, эти выгоды должны распространяться на более чем одно государство и не должны оказывать дискриминационное воздействие на какие-либо группы населения [22, 23, 27]. К примеру, сегодня воспринимается как данность Договор об Антарктике 1959 г., согласно которому территория Антарктиды используется в интересах всего человечества.

Государства, рынки, корпорации, сети, коммуникационные площадки, мир-система являются производителями глобальных общественных благ, к которым относятся: *международная безопасность, финансовая стабильность, материальное благополучие, комфортная окружающая среда, общественное здоровье, контроль над инфекциями и эпидемиями, знание, свобода коммуникации, GPS*, и, что имеет немаловажное значение для данной статьи, – *гражданский активизм*. Особо следует

³ Правда стоит заметить, что в этой же статье сказано о том, что лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

отметить, что гражданский активизм способен вписаться и дополнить важными составляющими политический процесс России, а также выступать на паритетных ролях с государственными акторами.

Глобальные общественные блага можно разделить на три ключевых кластера:

1. Природные глобальные общественные блага (атмосфера, океан, озоновый слой, океанские течения). Ключевая проблема – чрезмерное использование и злоупотребление ими, а также сложность их возобновления.

2. Блага, появившиеся в результате антропогенной деятельности (знание, международное право, интернет, сеть транспортных коммуникаций). Большинство таких благ являются «глобализированными» национальными общественными благами, принцип неисключаемости которых утверждается в международном масштабе.

3. Результаты политической деятельности (международный мир, финансовая стабильность, свобода торговли, борьба с инфекционными заболеваниями, защита экологии). Эти блага – неисключаемые и неконкурентные, и главное препятствие к их распространению – отсутствие у ключевых участников мирового политического процесса достаточных стимулов и институциональных механизмов кооперации [28, 29]. Ключевая проблема – хрупкость данных благ и зависимость от политического доверия международных игроков друг к другу.

Метаморфозы общественного блага привели к тому, что ключевым глобальным общественным благом является сам человек.

Сетевые гражданские инициативы и новое качество публичных ценностей

В свое время Ш. Арнштейн [5] предложила классификацию общественного участия, которая характеризует вовлечение обычных граждан в процесс со-управления от полного абсентеизма через минимальную степень участия до полноценного уровня – гражданский контроль и публичное управление. Т.н. «лестница гражданского участия» раскрывает восемь типов привлечения акторов гражданского общества к политико-управленческим вопросам. Несмотря на то, что данная типологизация условна, она предоставляет возможность исследовать динамику вовлечения граждан в политический процесс конкретной страны, вскрывая имитационные конструкции псевдоинститутов гражданского общества.

Поскольку традиционные институты представительства не способны комплексно удовлетворить артикулированные запросы граждан, в последнее время общественная активность

формируется в социальных и конвергентных медиа. Данные общественные импульсы все чаще проявляются в политической реальности, а гражданский активизм теперь не существует без своей репрезентации в онлайн пространстве.

Нынешнее время показало, что чем шире участие народа в политическом процессе, тем объективнее проработанные управленческие решения, глубже информированность граждан и выше уровень доверия к публичным институтам. Человек, расширивший свои возможности и ставший обладателем нового опыта самореализации на благо общества, является, пожалуй, самым важным результатом гражданского участия [17].

В связи с трансформацией способов и методов сетевой политической коммуникации, гражданский активизм приобретает отчетливые очертания политического измерения, а субъекты влияния в социальных медиа становятся существенными игроками в мире политики. Иначе говоря, гражданское участие является асимметричным ответом на вызовы периода «post-truth politics», где наблюдается постоянное искажение политико-информационного поля. Следствием этого является тот факт, что классические инструменты общественного участия исчерпали свои возможности и ресурсы в неиерархическом постинформационном мире, в котором наблюдается планомерное возвышение негосударственных акторов, активно апеллирующих к ресурсам «smart power».

Часто говорят, что новые способы осмысления политического мира провоцируют сложности в реализации гражданских форм участия. Несмотря на видимые блага общества потребления, заметную обеспокоенность вызывает создание массового конформного потребителя с достаточно сильными абсентеистскими позициями и безответственным отношением к происходящим событиям. З. Бауман как-то говорил, что атомизированному социуму присущи следующие характерные свойства: утрата индивидом контроля над социальными процессами, уязвимость его перед нарастающими изменениями, а также неспособность человека к долгосрочному планированию и акцент на мгновенные краткосрочные успехи [30, с. 98]. Впрочем, вопреки критикам гражданские инициативы развиваются и создают новые формы [31], о чем свидетельствует рост цифрового волонтерства, акций «одного требования», политических интернет-объединений, экологических движений и протестных выступлений [32]⁴.

Среди основных причин вовлечения

населения в гражданскую активность можно выделить большое количество нерешенных и, что более важно, нерешаемых проблем, а также необходимость самореализации и достижения частных целей [33, с. 146]. Всплеск сетевых инициатив снизу и протестных акций связан с запросом на изменения и осознанием узости консервативно-охранительной парадигмы, реализуемой государством в обществе XXI в. Возрастающее число политических вызовов, безудержный технологический прогресс и становление людей с ярко выраженными постматериальными ценностями (поколение «Z») приводит к формированию нового явления – *естественного сетевого гражданского активизма*, который является устойчивой формой общественного участия. Данный вид активизма возникает сам по себе, естественным порядком, без посторонней помощи, и, поэтому является востребованным. Постматериальные ценности и новое качество публичных благ подталкивают граждан к формированию все новых и новых очагов сетевых инициатив (гражданская экспертиза, консолидированная помощь политическим заключенным, благотворительные онлайн-магазины, защита памятников архитектуры, экологические проекты и пр.), которые уже заняли свою нишу.

Сейчас существует достаточно широкий спектр инструментов и платформ, позволяющих гражданам и их институтам реализовывать свои потребности и инициативы [34]. В рамках данной статьи следует особо отметить несколько кластеров, в которых гражданское участие реализуется на сетевой основе: *со-участие и со-управление, реализация электоральных практик онлайн, медидавление, цифровое волонтерство, общественный контроль, политическая протестная мобилизация, онлайн профилактика правонарушений, краудсорсинговые платформы, конвенциональные формы интернет-активности* (своеобразный «лакмус» наличия проблем в государстве и обществе), *электронные референдумы, краудфандинг* и др.

Все это определяет и главные функции гражданского участия: оно позволяет вовлечь сообщество в решение социальных проблем; обеспечить общественный контроль за принятием и реализацией решений государственной и муниципальной власти; содействовать росту социальной идентичности членов сообщества; повысить удовлетворенность населения от эффективных управленческих решений и, наконец, оно оказывает влияние на саморазвитие и рост гражданской компетентности [16, с. 49].

⁴ На основании доклада Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) «Рост протестной активности в России» в 2018 г. в России произошел резкий

рост протестной активности населения. Зафиксировано 2526 протестных акций, а почти половина из них была связана с пенсионной реформой.

Когда народ выступает как совокупность граждан, имеющих групповую идентичность, на каждом уровне общества создаются соответствующие сетевые платформы, способствующие поиску выходов из сложившихся проблем и нахождению компромиссных решений на качественно новом политическом измерении. Надо особо отметить, что при разрушении привычных сетевых связей между людьми, коммуникационные провалы углубляются как между обществом и властью, так и между обычными гражданами, что может привести к дестабилизации всей политической системы.

Таким образом, сетевой гражданский активизм – новый инструмент совместной работы управляющих и управляемых, имеющий определенную публичную ценность, активное освоение которого позволит совершенствовать существующий социальный уклад, а выработка научного основания для институционализации сетевых гражданских инициатив увеличивает эффективность социально-политических решений и способствует повышению открытости политического процесса в целом.

Более того, многогранность сетевых гражданских инициатив позволяет властным структурам отследить волнующие общество проблемы (мониторинг общественных настроений) и действовать на опережение, принимая «умные» решения.

Научное изучение потенциала сетевых гражданских инициатив в области анализа и оценки возможностей и рисков в современном политическом процессе позволит начать планомерную работу по выстраиванию и развитию системы эффективного диалога между органами государственной власти и институтами гражданского общества, значительно повысит эффективность государственных программ и процесса их выполнения.

Заключение

Сетевые гражданские инициативы являются своеобразным ассиметричным ответом на вызовы периода постправды. Сетевые гражданские инициативы сложно внедряются в реальные политические практики т.к. они создают новые формы и инструменты коммуникации и находятся в опасной зоне «отклонения» от устоявшегося порядка вещей. У многих людей власти создается, словами З. Баумана, «текущий страх», когда они наблюдают различные практики гражданского активизма. Новое всегда пугает.

Развитие сетевых гражданских инициатив способствует формированию и укреплению качественно новых сетевых связей между акторами современного политического процесса. В этом смысле сетевые коммуникации вырабатывают «зоны контактов» государства и институтов гражданского общества, формируя полноценный публичный диалог.

Сетевые гражданские инициативы являются активизирующим фактором населения, приобретают публичную ценность и быстро переходят в категорию политического. Сетевые гражданские инициативы формируют важные векторы развития гражданского общества в России, которые трансформируют сложные формы общественного развития посредством включения постматериальных публичных ценностей. Как видится, гражданский активизм на новой сетевой основе – серьезная предпосылка политической модернизации России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32046 «Сетевые гражданские инициативы как инструмент диалога между государством и институтами гражданского общества»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014. 303 с.
2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. №. 11. С. 117-123.
3. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. Книги Е.Б. Шестопал. М.: Издательство «Вест мир», 2019. 656 с.
4. Alexander J. The Civil Sphere. N.Y.: Oxford University Press. 2006.
5. Arnstein Sh.R. A Ladder of Citizen Participation // JAIP. Vol. 35. №.4. July 1969. pp. 216-224.
6. Bennet W.L. Changing citizenship in the Digital Age // Civic life online: Learning how digital media can engage youth. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 1-24
7. Berbera, Casas, etc. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data // APSR, 2019.
8. Dalton R.J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. – Political Studies. Vol. 56. 2008. Pp. 76-98.
9. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
10. Nelson J.L., Lewis D.A., Lei R. Digital

Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2017. Vol. 94. Iss. 1. P. 318–334. DOI: 10.1177/1077699016681969

11. **Pak B., Chua A. and A.V. Moere.** FixMyStreet Brussels: Socio-Demographic Inequality in Crowdsourced Civic Participation, 2017.

12. **Turner B.S.** The Erosion of Citizenship // British Journal of Sociology. 2001. Vol. 52. № 2. Pp. 189–209.

13. **Ruud W., Walgrave S.,** Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives // American Sociological Review 82 (2): 361–83, 2017.

14. **Xenos M., Moy P.** Direct and differential effects of the Internet on political and civic engagement // Journal of communication. N.Y., 2007. Vol. 57(4). Pp. 704–718.

15. **Никовская Л.И.** Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и перспективы // Государство и граждане в электронной среде. 2017. № 1. С. 144–158.

16. **Никовская Л.И., Скалабан И.А.** Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.

17. **Трофимова И.Н.** Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. №. 4 (372). С. 72–77

18. **Чугунов А.В.** Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // Власть. 2017. Т. 25. № 10. С. 59–66.

19. **Якобсон Л.И.** Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 2–7.

20. **Никифоров А.А., Шерстобитов А.С.** Ресурсный обмен и кооперация в сетях общественных инициатив в российских городах (на примере Челябинска, Екатеринбурга и Новосибирска) // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 99–114.

21. **Gel'man V.** Authoritarian Russia: analyzing post-Soviet regime changes // Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2015, 208 p.

22. **Kaul I., Grunberg I., Stern M.** Global Public Goods – 6. Concepts, Policies and Strategies // Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century / I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern (eds.). N.Y.: Oxford University Press, 1999.

23. **Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century.** Eds. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern. N.Y., 1999.

24. **Пушкарева Г.В.** Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 312–329.

25. Гражданский сектор государственного управления / Под ред. Проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 440 с.

26. Россия – священная наша держава. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9709> (дата обращения 30.08.2019).

27. **Медведев С.А., Томашов И.А.** Концепция глобальных общественных благ: возможности и ограничения // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 38–47.

28. **Kaul M., Mendoza R.** Advancing the Concept of Public Goods / Providing Global Public Goods: Managing Globalization. Eds. I. Kaul, P. Conceicao, K. Le Goulven, R.U. Mendoza. N.Y., 2003.

29. **Медведев С.А., Томашов И.А.** Концепция глобальных общественных благ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4. № 2. С. 21–28.

30. **Воронцова Т.Н., Юдина Е.В.** Социокультурная специфика гражданской активности россиян // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97–101.

31. **Макаренко Б.И.** Гражданское общество как ресурс развития России // Сравнительная политика. 2013. №. 3 (13). С. 74–94.

32. Пенсионная волна: как Петербург стал столицей протестов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/11/2018/5be2b47e9a7947814b688b74> (дата обращения 30.08.2019).

33. **Никовская Л.И.** Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Сборник научных статей. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской Академии наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 146.

34. **Бродовская Е.В.** и др. Гражданские и политически онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. 2019. №. 2. С. 180–197.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

REFERENCES

- [1] **Zh. Bodriyyar, K. Yaspers**, Prizrak tolpy [Ghost crowd]. M.: Algoritm, 2014.
- [2] **S.V. Volodenkov, S.N. Fedorchenko**, Digital Stigmata as a Tool of Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of Modern State and Society, *Sociological Research*. 11 (2018) 117–123.
- [3] *Vlast i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert veka nablyudeniy (1993-2018)* [Power and leaders in the perception of Russian citizens. A quarter century of observations (1993–2018)], red. Knigi Ye. B. Shestopal. M.: Izdatelstvo “Vest mir”, 2019.
- [4] **J. Alexander**, *The Civil Sphere*. N.Y.: Oxford University Press. 2006.
- [5] **Sh.R. Arnstein**, A Ladder of Citizen Participation, *JAIP*. 35 (4). July 1969. Pp. 216–224.
- [6] **W.L. Bennet**, *Changing citizenship in the Digital Age, Civic life online: Learning how digital media can engage youth*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. Pp. 1–24.
- [7] **Berbera, Casas**, etc. *Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data*, APSR, 2019.
- [8] **R.J. Dalton**, *Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation*. – *Political Studies*. 56 (2008) 76–98.
- [9] **E. Ostrom**, *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
- [10] **J.L. Nelson, D.A. Lewis, R. Lei**, Digital Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age, *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2017. Vol. 94. Iss. 1. Pp. 318–334. DOI: 10.1177/1077699016681969
- [11] **B. Pak, A. Chua, A.V. Moere**, *FixMyStreet Brussels: Socio-Demographic Inequality in Crowdsourced Civic Participation*, 2017.
- [12] **B.S. Turner**, The Erosion of Citizenship, *British Journal of Sociology*. 52 (2) (2001) 189–209.
- [13] **W. Ruud, S. Walgrave**, Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives, *American Sociological Review*, 82 (2) (2017) 361–383.
- [14] **M. Xenos, P. Moy**, Direct and differential effects of the Internet on political and civic engagement, *Journal of communication*. N.Y., 57 (4) (2007) 704–718.
- [15] **L.I. Nikovskaya**, Civic activism and Public Policy in Russia: Status and Challenges, *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede* [State and citizens in the electronic environment]. 1 (2017) 144–158.
- [16] **L.I. Nikovskaya, I.A. Skalaban**, Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development, “*Polis. Political Studies*” Journal. 6 (2017) 43–60.
- [17] **I.N. Trofimova**, Civic activism in Russian society: features of localization, *Case studies*. 4 (372) (2015) 72–77.
- [18] **A.V. Chugunov**, Features of Attraction of Resources by Protesters, *Vlast [Authority]*. 25 (10) (2017) 59–66.
- [19] **L.I. Yakobson**, *Budushcheye grazhdanskogo obshchestva: issledovaniye i proyektirovaniye* [The Future of Civil Society: Research and Design], *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad]. 1 (2011) 2–7.
- [20] **A.A. Nikiforov, A.S. Sherstobitov**, Resource exchange and cooperation in networks of public initiatives in Russian cities (on the example of Chelyabinsk, Ekaterinburg and Novosibirsk), *Central Russian Journal of Social Sciences*. 13 (2) (2018) 99–114.
- [21] **V. Gel'man**, *Authoritarian Russia: analyzing post-Soviet regime changes*, Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2015.
- [22] **I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern**, *Global Public Goods – 6. Concepts, Policies and Strategies*, *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century*. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern (eds.). N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- [23] *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century*. Eds. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern. N.Y., 1999.
- [24] **G.V. Pushkareva**, Public value management: can we talk about an axiological turn in public administration, *E-journal. Public Administration*. 68 (2018) 312–329.
- [25] *Grazhdanskiy sektor gosudarstvennogo upravleniya* [Civilian Government], ed. Prof. A.I. Solovyeva. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2018.
- [26] *Rossiya – svyashchennaya nasha derzhava* [Russia – is our sacred power]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9709> (accessed: 30.08.2019).
- [27] **S.A. Medvedev, I.A. Tomashov**, *Kontsepsiya globalnykh obshchestvennykh blag: vozmozhnosti i ogranicheniya* [The concept of global public goods: opportunities and limitations], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 12 (2010) 38–47.
- [28] **M. Kaul, R. Mendoza**, *Advancing the Concept of Public Goods, Providing Global Public Goods: Managing Globalization*. Eds. I. Kaul, P. Conceicao, K. Le Goulven, R.U. Mendoza. N.Y., 2003.
- [29] **S.A. Medvedev, I.A. Tomashov**, *Concept of Global Public Goods, International Organisations Research Journal*. 4 (2) (2009) 21–28.
- [30] **T.N. Vorontsova, Ye. V. Yudina**, *Sotsiokulturnaya spetsifika grazhdanskoy aktivnosti rossiyan*

[Sociocultural specificity of civic activity of Russians], The Bulletin of the South-Russian State Technical University. Social and Economic Science. 1 (2017) 97–101. DOI: 10.17213/2075-2067-2017-1-97-101

[31] **B.I. Makarenko**, Grazhdanskoye obshchestvo kak resurs razvitiya Rossii [Civil society as a resource for the development of Russia], Sravnitel'naya politika [Comparative policy]. 3 (13) (2013) 74–94.

[32] Pensionnaya volna: kak Peterburg stal stolitsey protestov [Pension wave: how Petersburg became the capital of protests]. URL: <https://www.rbc.ru/>

politics/08/11/2018/5be2b47e9a7947814b688b74 (accessed 30.08.2019).

[33] **L.I. Nikovskaya**, Civic activism and Public Policy in Russia: Status and Challenges, Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede [State and citizens in the electronic environment: theory and research technology]. Collection of Scientific Articles. Sankt-Peterburg, 2017.

[34] **Ye.V. Brodovskaya and etc.** Civil and political online practices in the evaluations of Russian youth (2018), Political Science (RU). 2 (2019) 180–197.

Received 16.09.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Бронников Иван Алексеевич

Bronnikov Ivan A.

E-mail: ivbronn@gmail.com